

БОГДАН ГЛУХОВЕЦКИЙ

ПРОЩАЙ,
БАВИЛОН!

БОГДАН ГЛУХОВЕЦКИЙ

ПРОЩАЙ, БАВИЛОН!

ИСТОЧНИК ЖИЗНИ

УДК 274/278
ББК 86.376
Г55

Глуховецкий, Богдан

Г55 Прощай, Вавилон! — Заокский : Источник жизни,
2016. — 256 с.

ISBN 978-5-86847-964-9

Автобиографическая книга рассказывает о жизни и духовных исканиях бывшего католического монаха и священника Богдана Глуховецкого и его жены Галины, которые, пройдя сквозь испытания и сомнения, нашли библейские истины и сохранили веру в Бога.

УДК 274/278
ББК 86.376

ISBN 978-5-86847-964-9

© Глуховецкий Б., 2016
© Перевод на русский язык, оформление.
Издательство «Источник жизни», 2016

Оглавление

<i>От автора</i>	5
Глава 1. «Ангел, хранитель мой...»	8
Глава 2. Горький вкус первой исповеди.	12
Глава 3. Детство Галинки	16
Глава 4. Библия.	21
Глава 5. Монах	28
Глава 6. Отец Иосафат	34
Глава 7. Под бдительным оком КГБ	37
Глава 8. Школа жизни.	40
Глава 9. Сестра Андрея	47
Глава 10. «Монахиня» Дени Дидро.	56
Глава 11. Свежий ветер перемен	62
Глава 12. Приветствуй, славный Рим!	67
Глава 13. Встреча с папой римским.	76
Глава 14. Горечь разочарования	84
Глава 15. Лучше воля среди поля	90
Глава 16. Великобритания	97
Глава 17. Слава свободе!	105
Глава 18. Прощай, Вавилон!	112
Глава 19. Домой	120
Глава 20. «Инженеры душ человеческих»	127
Глава 21. Пойду я из монастыря...	133
Глава 22. Сектанты	139

Глава 23.	Страна кленового листа	144
Глава 24.	Духовные страдания	154
Глава 25.	Из монастыря — в мир.	158
Глава 26.	Венчание в... саду	163
Глава 27.	Вместе	168
Глава 28.	Католическая мачеха	175
Глава 29.	Среди обломков.	180
Глава 30.	Божий посланник	187
Глава 31.	Церковь ожидания.	195
Глава 32.	Крещение.	207
Глава 33.	Светильник	213
Глава 34.	Национальный вопрос.	220
Глава 35.	Пастор.	225
Глава 36.	Надежда, которая не умирает.	229
Глава 37.	«Я снова приду».	234
Глава 38.	Сила победы	245

ОТ АВТОРА

«Человек — это прежде всего история», — с этим высказыванием трудно не согласиться. Я к этому добавил бы следующее: жизнь человека — это общая история его и Бога; история взаимоотношений бесконечно любящего Творца и человека, который, почувствовав в своей жизни Божью любовь, принимает ее и отвечает сотрудничеством. Вкратце — это история спасения человека Богом.

У читателя, возможно, возникнет вопрос: «Если это личная история спасения, то зачем делиться ею с другими, ведь у каждого она своя?» Да, это так, но я знаю, что рано или поздно уважаемый читатель заинтересуется, какова же причина написания этой книги, поэтому отвечу сразу.

Ежегодно мы всей семьей навещаем семью моей жены в ее родном селе Горыня, неподалеку от Гошева, на Ивано-Франковщине. Восхищаясь великолепной природой и Карпатскими горами, покрытыми лесом, я говорил жене: «Галя, какая милая эта избушка на краю села, возле леса. Как красиво здесь, тихо и приятно, вокруг ни души, только мы и природа! Вот было бы хорошо на старости лет сбежать сюда, писать книги, рисовать, любуясь великолепной природой и наслаждаясь тишиной!». Хотя этот край мне не родной, но я всем сердцем полюбил его и часто в мыслях уносился туда.

Так вот, с тех пор у меня появлялось желание писать книги, но я ждал, когда дети вырастут, создадут свои семьи, когда мы с женой выйдем на пенсию, и вот тогда...

Меня часто спрашивали:

— Расскажите, пожалуйста, как случилось, что вы — священник и монах оставили католическую церковь и стали адвентистом?!

Я рассказывал, но всегда не хватало времени. Коротко все пережитое не расскажешь, чтобы человеку стали понятны мотивы моего жизненного выбора, да и трудно все сразу вспомнить.

Когда эти вопросы стали более частыми, я выпустил диск, в который вошел короткий фильм о моей жизни и несколько десятков моих аудиопроповедей, тиражом в двести экземпляров. Тем, кто интересовался моей жизнью, я дарил этот диск. Но со временем диски закончились, а интересующихся людей становилось все больше.

Известно, что Господь часто говорит через людей — это Его распространенный метод. Во взаимоотношениях со мной Бог часто пользуется этим методом. В этой книге я расскажу о таких случаях в моей жизни. Написать ее Господь побудил меня через совет одного человека. Из его слов я понял, что не стоит откладывать на потом свидетельство о чудесных делах Божьих в моей жизни.

Чтобы у читателя не создалось ложного впечатления, будто главными персонажами книги являемся мы с женой, хочу заранее отметить — главным действующим лицом является Господь Бог, Который хоть и невидимо, но настойчиво, деликатно и с большой любовью действовал в нашей жизни.

Создание этой книги сопровождалось моими молитвами, и не только моими. За меня молилась моя жена, а также два пастора — Иван Бабич и Иван Черничко. Поэтому писалось мне быстро, легко и приятно.

Часто осенним теплым днем я выходил в парк, где, сидя на лавочке, вспоминал и писал, еще раз переосмысливая прожитое... Необходимо заметить, что писать о себе легко, потому что ничего не надо придумывать. Нужны лишь усилия, чтобы покопаться как следует в своей памяти, вспомнить прошлое, но мне было проще, потому что я давно веду дневник.

Книгу часто сравнивают с ребенком. Я понял, насколько это верно. Когда вдруг ночью приходила интересная мысль, я вставал с постели и спешил записать ее.

От чистого сердца я благодарен Господу не только за идею книги, но и за Его обильное благословение во время ее создания. Надеюсь, что во время чтения Божье благословение будет действовать и на вас. На страницах этой книги я делюсь с вами тем, что Божье провидение совершило в моей жизни.

Как автор, я правдив и откровенен: немало людей знают нашу жизнь. Я старался писать так, чтобы читать было интересно, приятно и полезно. Надеюсь, что Господь использует эту книгу для Своего благословенного прикосновения к вашей душе.

Приглашаю читателя совершить путешествие по моей жизни — во времени и пространстве, сквозь годы и события. Я надеюсь не на критику и осуждение, а на доброжелательность и понимание.

*«Как лань жезает к потокам воды, так
жезает душа моя к Тебе, Боже!
Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому:
когда приду и явлюсь пред лицо Божие!» (Пс. 41:2, 3).*

«АНГЕЛ, ХРАНИТЕЛЬ МОЙ...»

На просторной равнине Прикарпатъя, среди полей и садов находится село Мисткы. Здесь издавна проживали трудолюбивые земледельцы, суровые кузнецы и искусные ремесленники. До Львова всего пятнадцать километров, крестьяне пешком преодолевали это расстояние за три часа, а верхом так и вовсе за полтора часа можно добраться. Ремесленники продавали в городе свой товар и, купив соли, сахара, что-то из одежды и детишкам гостинцы, возвращались домой.

Но мирную жизнь всколыхнул ужас войны, тревожно и страшно стало жить крестьянам.

Дальновидные односельчане советовали:

— Поехали, люди добрые, с нами, потому что надвигается линия фронта, страдают невинные люди... Верим, война скоро закончится, Гитлер будет добит, и мы в Европе спокойно заживем... Пан Петр, пан Михаил, поедете с нами?!

— А чего, пан Василий, мы должны ехать?! Это же наша земля, мы здесь родились и выросли, здесь наши дома, поля и леса, могилы дедов... Мы мирные люди, никому никакого зла не сделали, — отвечал мой дед Петр.

Наступила холодная зима 1944 года. В декабре начались сильные снегопады.

Моя мать со слезами вспоминала то время, когда десятилетним ребенком она присутствовала при обыске в их доме. Ворвавшись рано утром в дом, солдат повалил ее отца на пол, а другой, грубо ругаясь, толкнул прикладом винтовки мать в грудь, она упала, а малые детки с плачем бросились к матери.

Моего деда Михаила обвинили в кулачестве, и суд вынес приговор — 25 лет лагерей и ссылок... Впоследствии, после суда, Михаила и его семью, в которой было четверо маленьких детей, вместе с другими выслали в Сибирь. Холодной, морозной зимой в товарных вагонах они ехали вместе с малыми детьми в чужой неизвестный край.

Когда вывозили семью другого деда, вийта (председателя сельсовета) Петра Глуховецкого, которого также называли кулаком, моему отцу (ему в то время было четырнадцать лет) удалось сбежать, и он некоторое время скрывался у родных в своем селе.

Мои родители Евгений и Феодосия чудом остались на родной земле, но вынуждены были расти вдали от своих родителей.

В 1958 году они, выходцы из одного села, поженились, а в октябре следующего года родился я. Крестил меня 25 октября православный священник в церкви города Пустомыты.

Вскоре в поисках работы и жилья семья переехала в Новый Роздол, что на Львовщине, где в 1962 году родилась моя сестра Мария.

— Богданчик, сынок, стань на колени, сложи ладони вместе и молись к Богу так: «Ангел, хранитель мой, ты всегда при мне стой. Утром, вечером, днем и ночью, будь мне помощью», — говорила мне моя мать. А я, четырехлетний мальчик, послушно молился так, как говорила мне мама. Мне тогда казалось, что Бог в образе оживает и иногда мило улыбается.

— Мама, скажи, а кто такой ангел-хранитель? — спрашивал я. — Почему его называют хранителем?

Мама терпеливо рассказывала, а я слушал и мечтал... Мое детское воображение рисовало удивительные красочные картинки, на которых большой белый ангел с волшебными серебристыми крыльями стоял рядом и молился на коленях вместе со мной или заботливо держал меня за руку, когда я играл вместе с мальчишками. А иногда я видел этого ангела, когда он, закрыв лицо руками, неслышно плакал... Мама говорила, что это происходит тогда, когда я бываю непослушным и невежливым. Таким образом, впервые в моей маленькой жизни, благодаря маминой школе началось изучение теологии.

Воспитывались мы с сестрой в любви к Богу и отечеству.

Про отца говорили, что он сдержанный человек и у него доброе, сострадательное сердце. Возможно, тяжелый труд в детстве, а затем и в военные годы сделали его таким. Отец много работал, и у него было мало времени на воспитание детей. Мы с сестрой его понимали и любили.

Теперь, спустя более десяти лет после того, как его не стало, я вспоминаю его и все больше убеждаюсь в его жизненной мудрости и практичности.

— Сынок, — рассказывал он, — у нас в семье было шестеро детей. Я был четвертым, и порой мне доставалось от старших. Мой папа был председателем, и его общественная деятельность занимала много времени. Мы были одной из самых богатых семей в селе: двенадцать голов крупного рогатого скота, лошади, свое поле и участок в лесу. Хотя отец держал двух слуг, но мы, малые ребята, уже с детства много работали.

Когда мне было пять лет, я носил перед собой такую тяжелую корзину с сечкой, что сгибался под ее тяжестью. Очень тяжело было, но я стал понимать: чтобы что-то иметь, нужно тяжело работать!

— Помни, сынок, — говорил отец, — что бы тебе там, в школе, ни говорили, будто кулаки эксплуатировали простых людей, ты не верь. Тебе не нужно стесняться своего деда Петра. Он был очень трудолюбивым, бережливым и честным. Все свое имущество он приумножал тяжким трудом и молитвой к Господу. Его в селе все уважали...

ГОРЬКИЙ ВКУС ПЕРВОЙ ИСПОВЕДИ

Когда я пошел в школу, мы вместе с родителями и моей сестрой (она теперь монахиня греко-католической церкви сестра София), каждое воскресенье ходили в православную церковь в соседнее село Берездовцы, недалеко от Нового Роздола. Хотя мне было трудно проходить три километра и выстаивать длинные и скучные богослужения, я любил подниматься на балкон, где пел церковный хор. Там я с интересом наблюдал за певцами и всем, что происходило в храме. Мне нравилось смотреть на священника, когда он выполнял священнодействия — служил литургию, пел или проповедовал:

— За мир с высот и спасение душ наших Господу помолимся! — пел священник.

— Господи, помилуй, — отзывался десятками голосов церковный хор.

— За мир всего мира, благосостояние святых Божиих церквей и соединение всех Господу помолимся!

— Господи, помилуй.

Однажды на крыльях моих детских мечтаний я представил себя священником... и так размечтался, что не заметил, как завершилось богослужение и надо было возвращаться домой. С тех пор мне было приятно ходить в церковь — я молился и мечтал. Мои родители поощряли меня и говорили,

что плохому в церкви не учат, а только хорошему, полезному. Да и сам я чувствовал, что становлюсь добрее, лучше и послушнее, когда хожу в церковь и молюсь.

Когда мне было двенадцать, родители решили, что нам с сестрой уже пора исповедоваться и причащаться. Поэтому во время Великого поста мы с сестрой начали готовиться к этому.

Исповедь должна была происходить вечером в церкви перед священником, а утром мы натошак должны были приступить к святому Причастию. Читая из молитвенника заповеди и духовные требования относительно исповеди, я искренне молился, чтобы выполнить все как можно лучше и чтобы Бог принял мою исповедь.

Когда мы с родителями пришли в церковь, то увидели длинную очередь, состоящую из людей, ожидающих исповеди. Как пришло мое время, я растерялся и забыл все мои грехи, хотя перед исповедью несколько десятков раз повторял их и запомнил почти наизусть. Священник молча ждал... я тоже молчал, и наконец он, задавая мне вопросы, начал расспрашивать о них. Но меня поразило поведение священника.

До этого каждое воскресенье я видел священника во время богослужения, слышал его пение и проповедь, но мне никогда не приходилось общаться с ним так близко. Я заметил, что он, задавая мне вопросы, вел себя невнимательно: часто косился на длинную очередь, два или три раза посмотрел на свои наручные часы, в общем, вел себя в отношении меня надменно и без должного внимания. Это меня очень поразило, такого я не ожидал, поэтому у меня промелькнула мысль, что он выполняет свои святые обязанности неохотно и поверхностно. А потом священник, словно невзначай, тронул ногой металлическое блюдо для пожертвований.

«Ой, я же забыл положить в блюдечко деньги!» — словно молния прошила мое сознание. Я почувствовал, как горячая

волна прошла по всему телу и ударила огнем в лицо. Низко склонив голову, я желал, чтобы отец не заметил моего красного лица.

«Что же делать? — лихорадочно думал я. — Положить деньги сейчас или позже, в конце исповеди? А что же про меня подумает священник? А может, не класть совсем?!»

Мои мысли в эту минуту были сосредоточены только на блюдце для пожертвований и на этих нескольких монетах, которые лежали у меня в кармане. Я думал, какой вариант мне выбрать.

Священник что-то мне говорил, но мои мысли звучали громче, и я не слышал его слов.

Вдруг святой отец коснулся моей руки.

— Ты что, не слышишь меня?! — громко спросил он.

Я подумал, что он невнимательно слушал мою исповедь, поэтому моментально выпалил:

— Как вы ко мне, так и я к вам!

Священник замолчал, большими от удивления глазами он внимательно посмотрел на меня, а через мгновение решительно повелел:

— Вставай и иди!

Я так и сделал, как мне он сказал, просто поднялся с колен и вышел из церкви...

На улице уже стемнело и веяло вечерней прохладой. Я облегченно вздохнул и прошептал сам себе:

— Нет, этот человек, хоть он и священник, не может по-настоящему верить в Бога...

По дороге домой я рассказал своим родителям все, что случилось во время моей первой исповеди.

На второй день, на рассвете, мы с родителями снова пошли в церковь, на этот раз уже причащаться.

Люди выстроились в один ряд напротив царских врат и подходили к священнику, который на ложечке подавал причастие. Когда подошла моя очередь, он внимательно

посмотрел мне в глаза и едва заметно усмехнулся. Затем священник протянул мне на золотой ложечке хлеб и вино.

«Такой кислый и пьянящий хлеб они называют Христовым телом и кровью, — удивлялся я, — совсем невкусно».

Но это было второстепенным. Я заметил улыбку священника, когда он меня причащал, поэтому подумал: «Наверное, он чувствует свою вину и упрекает себя за невнимательность и высокомерие в отношении меня, а может, корит себя, что был очень строг ко мне и приказал мне выйти? Сейчас это уже не имеет никакого значения, главное то, что святой отец осознал свою вину и хочет со мной примириться».

Урок, полученный из этой первой горькой исповеди, я усвоил на всю жизнь. «Больше никогда на исповедь к этому священнику я не пойду», — решил я.

Свое слово я сдержал.

ДЕТСТВО ГАЛИНКИ

В предгорьях Карпат, в центре села Гошев, возле реки Лужанки, находится Ясная Гора, а на ней Гошевский монастырь отцов-василиан. Он был построен еще в XVII веке и известен своей чудотворной иконой Божьей Матери. На богомолье к Ясной Горе приходили люди как из окрестных сел, так и издалека. Верующие крестьяне любили слушать проповеди монахов.

Часто сюда приходила со своей матерью набожная девушка София из соседнего села Горыня. Ей нравились богослужения, пение хора, а вид монахинь из женского монастыря Конгрегации сестер Святого Семейства, которые усердно работали для людей во славу Господу, внушал ей благоговение.

Тогда и зародилось у Софии стремление уйти в монастырь. Она этого очень хотела, но у нее не было ни средств, ни земли, которые, согласно монастырским правилам, были необходимы для вступления в монастырь.

Прошли годы, София вышла замуж за трудолюбивого крестьянина Владимира, у них родился сын и три дочери. Когда же ее мечта молодости не сбылась, София стала надеяться, что кто-то из трех дочерей посвятит свою жизнь Богу в монашестве.

К воспитанию детей София относилась добросовестно, и хотя была требовательной и строгой к ним, все же вложила в их маленькие сердечки всю свою нежность и любовь к Богу.

Младшая ее дочь Галинка росла посреди великолепной природы; отовсюду зеленые горы манили своей красотой и имели какую-то таинственную историю, такую же древнюю, как сама жизнь.

Как-то к Софии приехали два брата с Урала, вспомнили прошлое, расспрашивали сестру про ее жизнь, а в конце спели унылую песню:

*Ехали казаки с Дона домой,
Обманули Гаю, забрали с собой.
Поехали, Галя, с нами, казаками,
Будет тебе лучше, чем у родной мамы!
Привязали Гаю к сосне косами,
Сосна догорает, а Галя рыдает...*

— Галинка, деточка, почему ты плачешь? — спросила мама, заметив, как дочь вытирает слезы. — Гаю жаль?

Девочка кивнула головой и, устыдившись, убежала и скрылась за сиренью...

Часто маленькая Галинка вместе с мамой и сестрами бывали на тайных богослужениях в домах католиков, куда периодически приезжали отцы. Мама ей строго-настрого запретила кому-либо об этом рассказывать. Там собиралось немало людей, до глубокой ночи продолжались исповеди и богослужения.

Случалось так, что служение затягивалось. Даже когда взрослые люди изнемогали от желания заснуть, маленькая Галинка упорно боролась со сном.

— Хочешь баиньки, доченька? — спросила мать.

— Да, немножко, но я поборю сон, мамочка, — отвечала девочка и одолевала дремоту.

Как-то поздней осенью шестилетняя Галинка тяжело заболела — запущенная пневмония.

Обессиленную, положили ее в городскую больницу. Врачи осторожно сообщили Софии:

— Не хотим вас пугать, но жизнь ребенка висит на волоске.

Галинка бредила; ей снились странные цветные круги, которые то быстро уменьшались, пока не становились очень маленькими, почти незаметными, то вдруг молниеносно вырастали и становились слишком большими, что закрывали целое небо... Эти круги вертелись с бешеной скоростью, аж кружилась голова.

Тогда она даже свою маму не узнавала.

— Надо делать переливание крови, — сказал обеспокоенный врач.

Первым решил дать свою кровь дочери отец. И пока шли все процедуры, мать мысленно просила милости у Бога.

В напряженном ожидании тянулись часы и дни. Но медики смогли обрадовать родителей. Галинка уже чувствовала себя значительно лучше; лихорадка спала, появился аппетит, девочка только изредка покашливала. А вскоре девчушка вернулась домой и бегала, играла.

Весна принесла ей свет солнышка, тепло и хрупкие цветочки, из которых она любила плести красивые веночки.

В саду перед почкованием яблонь отец прививал новые сорта... Галинка заинтересованно наблюдала, а через некоторое время, когда привой прижился, спешила к отцу сообщить хорошую новость.

— Будешь, доченька, есть вкусные яблоки с той яблоньки, — радостно сказал отец.

Дни пролетали очень быстро. Любое время года нравилось Галинке.

Она любила собирать вкусную и ароматную землянику на краю огорода. А когда появились первые летние грибочки, девчушка вместе с сестрами почти каждый день приносила домой битком набитую корзинку белых красавцев с ричневыми шапочками.

Осенью лещина запестрела лесными орехами, спелыми и вкусными. Утренняя роса холодила маленькие ножки. На землю опускался туман. Галинка скучала по теплому, приятному лету.

Осень она тоже любила; оранжевые деревья дарили ей свои золотые листочки, которыми она любила забавляться, калина наливала свои пышные гроздья краснотой сочных ягод, в лесу росло все больше грибочков, а большой дуб на краю леса разбросал вокруг сотни маленьких желудей, из которых девочка строила домик... А еще осенью у Галинки был день рождения, тогда все ее поздравляли и дарили подарки. Как же ей не любить осень?!

— Какой у вас серьезный ребенок! — говорили соседки Софии, замечая, как девочка, задумавшись, прислушивается к разговорам взрослых.

В сентябре Галинка пошла в первый класс.

Когда дети на уроках учились читать по слогам, Галинка скучала, она с четырехлетнего возраста уже умела читать целые слова. Писала она очень красиво, буквы получались одинаковыми, каллиграфически написанными, словно узор. Девочка любила читать старый учебник «Чтение», по которому учился еще ее отец.

Галинка привыкла делать уроки, пока на дворе был еще день, потому что когда смеркалось, надо было зажигать керосиновую лампу — электричества не было дома.

Длинные стихи она на удивление легко запоминала, что поражало взрослых.

Погожими вечерами, когда не было облаков, Галинка любила выходить из дома и вглядываться в ночное небо, густо усеянное множеством звезд.

«Интересно, — думала девочка, — на какой звезде живет Бог? Надо будет спросить маму».

Первый раз Галинка исповедовалась в девять лет у отца Павла, который иногда по воскресеньям тайно приезжал к монахиням и служил литургию. По совету мамы, изучая «Катехизис», Галинка начала готовиться к исповеди. Его она выучила так безупречно, что это поразило отца:

— А ты, девочка, знаешь наизусть псалом 50?

— Да, отче, знаю, — ответила она.

— Тогда расскажи, — велел священник.

— Помилуй мя Боже по великой милости Твоей, — начала она читать наизусть и завершила его словами: и возложат на алтарь Твой тельцов.

— Молодец, Галинка, знаешь! — удивившись, похвалил ее отец Павел.

Позже священник похвалил малую Галинку еще и перед ее матерью. Гордилась София своей дочкой и, прижимая девочку к груди, просила у Бога для нее доброй судьбы.

БИБЛИЯ

Моя мать любила читать книги. Еще с ранних лет я помню, как она брала меня за руку, и мы шли в магазин. Там мама выбирала себе новую книжку, а я по этому случаю тоже всегда получал красивую книжечку с цветными рисунками.

Мама научила меня читать, когда мне еще не было и пяти. Читать я очень любил — было очень интересно узнавать о новых литературных героях и их жизни. Я любил подолгу рассматривать цветные иллюстрации и мечтать.

До того, как я пошел в первый класс, уже прочитал несколько десятков книг. Подрастая, я читал те книги из маминей библиотеки, которые мама рекомендовала, и таким образом к концу школы я прочитал все ее книжки.

А библиотека была большой. Случалось, что папа даже раздражался, когда мама в очередной раз просила его сделать еще один стеллаж для книг.

В ней была многочисленная мировая литература на разных языках: русском, польском, украинском. На полках стояли книги украинских классиков: многотомные издания произведений Григория Сковороды, Тараса Шевченко, Леси Украинки, Ивана Франко, Михаила Коцюбинского и Павла Грабовского, немало исторических романов наших

современников: Павла Загребельного, Романа Иваничука, Семена Скляренко и Ивана Билыка.

В детстве я любил читать сказки и приключенческие книги, а в старших классах — исторические книги о княжеских временах Киевской Руси и казачества...

Учителя в школе меня называли «очень начитанным парнем» и говорили, что за словом в карман я не полезу.

Иногда мать с болью говорила:

— У меня было когда-то желание получить высшее образование, но, к сожалению, не было возможности; послевоенные годы были тяжелыми, а родителей сослали в Сибирь, кто же должен был меня учить? Слава Богу, что не умерла с голоду, а выжила... Хорошо, что вам, дети, передалась любовь к книге. Вы выросли на книгах, поэтому должны принести пользу людям.

Однажды, когда я учился в восьмом классе средней школы, мать вернулась домой поздно вечером и принесла небольшой сверток; нетрудно было догадаться, что это книга.

— Сынок, у меня есть прекрасная вещь, от господина Б. (это был мамин знакомый художник-диссидент. — Прим. авт.), — тихо сказала мама. — Это «самиздат», запрещенная книга Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Он одолжил на очень короткое время, завтра, в полдень, я должна ее вернуть. Выбирай, когда будешь читать, потому что я тоже хотела бы прочитать.

Я взял в руки толстенькую тетрадь из папиросной бумаги, на которой был текст, напечатанный на машинке, и начал читать... Спать совсем не хотелось. Да и как уснешь, когда в руках такая редкая книга! Читал я до четырех часов ночи, а дойдя до последней страницы, разбудил маму. Она взяла книгу и пошла читать на кухню. Такой была наша любовь к книгам.

Летом 1974 года, мне, пятнадцатилетнему юноше, попала в руки Библия на староукраинском языке. Это была старая пожелтевшая книга без первых и последних страниц,

которую на короткое время моя мама одолжила у своей приятельницы-баптистки.

С большим интересом я стал читать ее и размышлять над прочитанным. Сначала я начал читать Ветхий Завет, но он показался мне скучным и неинтересным. Тогда я перешел к Новому Завету. И первой книгой, которую я прочел, стало Евангелие от Иоанна. Она меня очень впечатлила. История об Иоанне Крестителе, о том, как он крестил Иисуса, как Спаситель встречался с учениками, — все это было мне очень интересно. По мере чтения я узнавал все больше и больше, а на душе становилось светлее и спокойнее.

Прошло уже много времени, но я до сих пор помню эти приятные чувства, которые переполняли меня тогда.

«Ибо Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную...» Я читал эти строки и думал о том, как это прекрасно. В своих мыслях летел высоко-высоко, в небеса, к Самому Богу, а в душе чувствовал любовь к Нему и благодарность за то, что Бог так сильно возлюбил всех нас, что не пожалел Своего Сына для спасения мира.

Хотя по-староукраински читать было довольно трудно, но уже тогда я почувствовал, что меня коснулось что-то Божье, чистое и святое... Хотелось еще и еще читать, размышлять и больше узнавать об Иисусе Христе. С тех пор в моей душе начало зарождаться искреннее стремление больше познавать Бога.

В школе меня считали не таким, как все, за мои убеждения. Однажды в девятом классе на воспитательном часе наша классная руководительница Анна Михайловна вызвала меня к доске и спросила:

— Богдан, в музей Ленина ты не поехал, на субботник не пришел, в комсомол вступать сначала не захотел — это все мы видели. Только с третьего раза ты все же поехал в райком за билетом... Скажи, чего ты хочешь в жизни?

Я молчал.

В юношеские годы я любил рисовать. Трудно сказать, откуда это у меня, но какая-то неведомая творческая сила тянула меня к полотну, и я рисовал — предметы, природу, людей... Сначала карандашом, а позже масляными красками. Я хотел продолжить учиться изобразительному искусству, однако в десятом классе заболел пневмонией. На протяжении длительного времени пропускал занятия в школе, что отразилось на моей успеваемости и впоследствии помешало поступить в Институт декоративно-прикладного искусства.

После окончания средней школы я поступил в львовский кинотехникум.

Летом 1977 года, находясь на каникулах у родителей в Новом Роздоле, я познакомился с пожилым греко-католическим священником Николаем Боднарем, который со своей семьей проживал в селе Малехов, возле Нового Роздола. О нем я узнал от Елены, подруги моей матери, которая была католичкой. Она часто приходила к моей маме, и они долго беседовали о вере. Елена объясняла нам догматы вероучения и всегда подчеркивала, что именно католическая церковь является истинной Христовой Церковью, которую Он построил на апостоле Петре, и что именно папа римский руководит этой церковью на земле. По словам Елены, католическая церковь является церковью не только на земле, но и на небесах, в нее входят все святые всех времен, и они своими молитвами перед Матерью Божьей заступаются за всех живых.

В одной из своих бесед она сказала, что о нашей семье рассказала греко-католическому священнику отцу Николаю, который захотел с нами познакомиться. Так я заинтересовался католицизмом, историей его возникновения и доктринами.

«Сам Христос, — читал я, — установил католическую церковь на первоверховном апостоле Петре, который был

главой всех учеников Христовых, а теперь стал земным главой святой Христовой Церкви».

Мое первое знакомство с верой пришлось на время Великого поста. Как раз о нем я читал: «Время святого Великого поста — это время покаяния. А так как эта духовная борьба продолжается долгое время, обычно бывает, что первые дни или недели поста мы практикуем его ревностно и мужественно, но затем мало-помалу физически и душевно иссякаем, ослабеваем и теряем желание. Церковь, помня слабости человеческой природы, ставит посреди поста перед нашими глазами чрезвычайно могущественный стимул продолжения духовной борьбы. Этим ободрением является святой Крест.

В третье воскресенье поста церковь для ободрения и подкрепления нашего духа говорит нам об особом способе почитать святой Крест Господень. Отсюда и название этой недели: Крестопоклонное воскресенье».

Поэтому со всей юношеской ревностью я бросился внедрять в свою жизнь эту практику. Я купил во Львове нагрудный крестик и надел на шею. Позже в кинотехникуме, во время практических занятий, преподаватель заметил у меня крестик и приказал снять...

Узнав, что во время Великого поста надо «бить поклоны» дважды в день: утром и вечером, я добросовестно перед утренней и вечерней молитвами делал это, исполняя земной поклон, касаясь головой земли даже больше, чем было нужно.

Из истории я узнал про унию и размышлял о поучительных уроках истории.

Дважды в неделю я приходил к отцу Николаю на литургию, исповедовался, причащался, одалживал религиозные книги и спрашивал священника о религиозной жизни.

Мне нравился этот священник своей высокой духовностью, жертвенностью и внутренним покоем. В его характере

было смирение и искренность. Отец Николай читал псалом и молился:

*«Благословлю Господа во всякое время;
хвала Ему непрестанно в устах моих.
Господом будет хвалиться душа моя;
услышат кроткие и возвеселятся.
Величайте Господа со мною,
и превознесем имя Его вместе.
Я разыскал Господа,
и Он услышал меня,
и от всех опасностей моих избавил меня.
Кто обращал взор к Нему,
те просвещались,
и лица их не постыдятся».*

После той молитвы я заметил слезы в глазах священника. Мне хотелось быть похожим на него. В душе я испытывал неудержимое желание благочестивой, чистой и святой жизни. Я развернул Книгу псалмов и прочитал там такие слова: «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже! Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому: когда приду и явлюсь пред лицо Божие!» (Пс. 41:2, 3).

Я представил, что где-то далеко, в лесу, мчит жаждающий олень к источнику свежей воды. Он слышал шорох листьев и стук камней, что разлетались из-под его копыт, но летел как стрела, чтобы утолить жажду, огнем жгущую душу.

«Это написано про меня, про мою жажду Бога, — думал я. — Как красиво написано! Да, и моя душа, как душа псалмопевца Давида, жаждет Бога живого, хочу Его так, как жаждающий олень хочет воды из чистого источника. Помоги же мне, Боже!»

В свои восемнадцать я пылко мечтал стать великим католическим святым, таким, как отец Пио из Петрелцино, у которого были стигмы (раны на руках и ногах, повторяющие раны Христа. — *Прим. ред.*)... Я молился ему искренне

и рьяно, просил исполнения своей мечты. Тогда я верил, что обязательно произойдет чудо, но святой загадочно молчал, только смотрел с образа своим пронизательным взглядом, проникавшим в мою душу, словно там он заметил что-то интересное.

Вскоре я так проникся жаждой духовной жизни, что пожелал стать католическим священником. Это стало началом моего призвания, которое так радикально изменило всю мою жизнь.

МОНАХ

Весной 1978 года Елена, узнав о моем желании стать священником, познакомила меня с монахами Ордена святого Василия Великого, которых в народе называли «отцами-василианами». Они собирались в доме у отца Антония.

— Он очень духовный, — твердила Елена, рассказывая о священнике. — Мы зовем его «добродетель».

От добродетеля я впервые узнал о существовании этого ордена и о монашеской жизни вообще.

— Богдан, — говорил отец Антоний, — наш Орден святого Василия Великого очень древний, он берет свое начало еще с IV века, со времен своего основателя Василия Великого, который пошел в пустынное место на берегу реки Ирис, возле Нео-Кесарии, и вел тихую, уединенную жизнь в размышлениях, молитвах и чтении. Потом возле него стали поселяться набожные христиане из Понта, которые хотели аскетической жизни, и понемногу гора с многочисленными пещерами превратилась в монастырь. Поэтому, чтобы быть совершенным, нужно отделиться от мира и уйти в монастырь. Монашеская жизнь — это святая жизнь. А как живут монахи?

Как только начнет светать, монахи встают, чтобы молитвой и пением гимнов возвеличивать Бога. А потом, когда солнце поднимается выше, они берутся за труд, подкрепленный молитвой и пением. Несколько часов в день посвящено